

Васильев Дмитрий Валентинович

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БАШКИРАМИ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается завершающий этап формирования российской административной системы в Башкирии, когда российское правительство от трансформации традиционных институтов перешло к внедрению в регионе особой военизированной административной модели и распространению общеимперских порядков. Постепенная адаптация Башкирии к общероссийской системе управления завершилась ликвидацией местных административных особенностей к 1860-м гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 29-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

18. **Очерки истории Карачаево-Черкесии:** в 2-х т. / отв. ред. Р. Х. Джанибекова. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1972. Т. 2. 448 с.
19. **Перехов Я. А.** Власть и казачество: поиск согласия (1920-1926 гг.). Ростов н/Д: Гефест, 1997. 138 с.
20. **Противостояние** // Источник. 1993. № 3-4. С. 137-142.
21. **Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г. – август 1920 г.):** сб. документов и материалов / сост. О. А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. XL+431 с.
22. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 8.
23. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 11.
24. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 16.
25. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 65.
26. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 67.
27. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 84.
28. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 267.
29. **РГАСПИ.** Ф. 64. Оп. 1.
30. **РГАСПИ.** Ф. 65. Оп. 1.
31. **РГАСПИ.** Ф. 80. Оп. 4.
32. **РГАСПИ.** Ф. 85. Оп. 11.
33. **Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы).** Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. краев. исполн. комитета, 1925. Т. 1. XX+541 с.
34. **Сталин И. В.** Доклад о советской автономии Терской области: выступление на Съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: ОГИЗ, 1947. Т. 4. С. 399-406.
35. **Статистический ежегодник 1921 г.** М.: Изд-во ЦСУ РСФСР, 1922. Вып. 1. XIX+372 с.
36. **Филипп Мионов. Тихий Дон в 1917-1921 гг.:** сб. документов / отв. сост. В. П. Данилов, Н. С. Тархова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1997. 789 с.
37. **Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т.** Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
38. **Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).** Ф. 1966. Оп. 1.
39. **Центр документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК).** Ф. 5938. Оп. 1.
40. **Пуциев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

INFLUENCE OF ETHNO-TERRITORIAL ZONING OF THE 1920S ON THE RUSSIAN POPULATION OF THE TEREK PROVINCE

Baranov Andrei Vladimirovich, Doctor in History, Doctor in Political Sciences, Professor
Kuban State University
baranovandrew@mail.ru

The paper identifies the goals of the ethno-territorial zoning of the North Caucasus in 1920-1928 and their implementation in the changes of the administrative-territorial system of the Terek province. The author discovers decision-making process in the system of the party-and-state power of the 1920s, identifies differences in the attitudes of the central and regional bodies of power. The article distinguishes the stages of developing the party-and-state policy regarding the Terek Cossacks; special attention is paid to the forms of the local self-government of the Russian population of the North Caucasus autonomies.

Key words and phrases: ethno-territorial zoning; influence; Russian population; the Terek province; the 1920s.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается завершающий этап формирования российской административной системы в Башкирии, когда российское правительство от трансформации традиционных институтов перешло к внедрению в регионе особой военизированной административной модели и распространению общеимперских порядков. Постепенная адаптация Башкирии к общероссийской системе управления завершилась ликвидацией местных административных особенностей к 1860-м гг.

Ключевые слова и фразы: история Башкирии; внутренняя политика; административная политика; система управления; кантоны; история России.

Васильев Дмитрий Валентинович, к.и.н., доцент

Институт государственного управления, права и инновационных технологий
dvvasiliev@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БАШКИРАМИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]

Вопросы функционирования российской административной системы в Башкирии неоднократно оказывались в центре внимания исследователей, в том числе благодаря мощным академическим научным школам,

созданным в Республике Башкортостан. При этом основные акценты делались именно на региональной специфике и глубоком изучении кантонной системы [1; 2; 13, с. 420-436]. Целью же настоящей статьи является демонстрация динамики региональной административной системы, с одной стороны, в контексте развития общеимперского управления, а с другой, – как возможного варианта интеграции иных нерусских народов юго-востока в состав единого государства.

С присоединением Башкирии Россия приобрела огромную территорию и народ, добровольно согласившийся на подданство на условиях, закрепленных договором. Длительное время московское правительство не вмешивалось во внутренние дела башкир, осуществляя свою политику через представителей местной знати. Основание крепости, а затем и города Уфы фактически окончательно закрепило башкирскую территорию за Россией. Во главе местной администрации встали воеводы, непосредственно представлявшие центральное правительство. Распространенная на Уфу воеводская администрация фактически не многим отличалась от подобных учреждений в других уездах государства. С учреждением Оренбургской экспедиции Башкирия постепенно превращалась в плацдарм для продвижения России в Центральную Азию, приобретая облик внутренней окраины империи.

Заметные изменения в управлении Башкирией произошли в 1781 г. На смену Оренбургской губернии пришло Уфимское наместничество в составе Оренбургской и Уфимской областей с центром в г. Уфе. Области впервые были поделены на уезды [7, с. 365-366]. Особенностью новой административной организации стало разделение военной и гражданской администрации. Наместник (генерал-губернатор) наделялся чрезвычайными полномочиями и управлял всеми военными формированиями (регулярными и нерегулярными). Свои функции он осуществлял через наместническое правление.

Гражданским населением управлял подчинявшийся наместнику губернатор, действовавший через губернское правление. Другими гражданскими учреждениями в крае были казенная палата и приказ общественного призрения. Судебная система, как и во всей России, носила сословный характер.

Именным указом в 1782 г. в Уфимской губернии были учреждены особые нижние расправы для башкир и мишарей в Уфе, Белебее, Челябине и Оренбурге. Четыре башкира и мишаря были назначены заседать в верхнюю расправу и по два – в нижние. Уже то обстоятельство, что эти расправы должны были носить не этнические, но территориальные названия, свидетельствует о стремлении правительства использовать любой повод для приучения местного населения к общероссийским реалиям [Там же, с. 379-380].

Нижние земские суды были полицейскими и судебными органами в уездах. Главой уездной полиции, отвечающим за сбор налогов, податей и исполнение населением повинностей, а также контролирующим состояние торговли и других сфер земской ответственности, стал земский исправник (капитан-исправник). Контроль над финансами был возложен на уездное казначейство. В уездах появились уездные дворянские собрания, избиравшие уездных предводителей дворянства, земских исправников, уездных судей и заседателей нижнего земского суда.

Таким образом, российская администрация в Башкирии в период правления Екатерины II приобрела более четкий структурированный вид.

Еще в 1789 г. главный начальник края О. А. Игельстром осуществил на башкирских землях волостную реформу. Сохранив волостную административно-территориальную структуру, он создал параллельную систему юртовой администрации. При этом отказался от родового принципа, положенного в основу деления местного населения на волости, заменив его разделением на юрты по территориальному принципу. Юрты возглавили старшины. К ним полагались сотники (к одним – старшинные помощники, к другим – походные старшины). Несмотря на то, что реформа Игельстрёма, казалось бы, заменяла (точнее – дополняла) привычное для всей страны волостное деление особым юртовым и тем самым в некоторой степени в административном отношении отрывала Башкирию от внутренних территорий, она решала две важные для империи задачи. Во-первых, уничтожала традиционное родовое деление башкир, а во-вторых, ликвидировала отдельное самоуправление мишарей, приписав последних к башкирским юртам. Следует добавить, что после этой реформы башкиры, неся военную службу, остались в гражданском управлении. Иными словами, она стала своего рода базой для последующей военизации башкирской администрации.

В 1796 г. Уфимское наместничество было вновь преобразовано в Оренбургскую губернию. При этом несколько уездов было ликвидировано, а через год губернская администрация обосновалась в Оренбурге. Генерал-губернатора сменил оренбургский военный губернатор, власть которого распространялась и на соседние территории. Гражданский же губернатор остался в Уфе (с 1804 г.) и продолжал заведовать гражданскими делами внутри Оренбургской губернии.

Башкирские уезды по-прежнему делились на волости, во главе которых стояли старшины, утверждавшиеся губернатором. На них возлагалось разбирательство внутриволостных дел, распоряжение землей, взимание местных сборов. Им предоставлялось право принимать участие в совестных судах. Свои функции волостные старшины осуществляли через сотников.

Через год оренбургский военный губернатор по делам военной службы, а она для властей имела принципиальное значение, подчинил башкир и мишарей управлению военного ведомства, оставив их в губернском гражданском ведении по хозяйственным и судебным делам. У тептярей и бобылей, помещичьих, государственных, ясачных, дворцовых и экономических крестьян сохранялось общинное самоуправление. Во главе общин стояли избираемые старосты (старшины), подчинявшиеся властям или помещикам.

Введение в 1798 г. кантонной системы управления создало на территории, занятой башкирами, уникальную административную ситуацию, когда для гражданского населения сохранялось уездно-волостное управление, а военные сословия (башкиры, мишари и казаки) оказались в кантонно-юртовом управлении. Население уездов и волостей состояло в ведении гражданского губернатора, который, в свою очередь, подчинялся военному губернатору. Последний оставался главным начальником края и руководителем кантонной администрации. Башкиры и мишари окончательно влились в военно-казачье сословие.

Решение о причислении башкир и мишарей к военному сословию состоялось в апреле 1798 г., когда император Павел I утвердил предложенный О. А. Игельстромом проект о создании 11-ти башкирских и 5-ти мишарских кантонов, 2-х кантонов уральских и 5-ти оренбургских казаков [8, с. 194-197]. Несколько позднее, в 1803 г., число башкирских кантонов составило 12. Башкирские кантоны, сформированные не по родовому (волостному), а по территориальному (уездному) принципу, состояли из башкир от одного до трех уездов Оренбургской, Пермской или Вятской губерний. При этом некоторые волости делились между несколькими кантонами, что рано или поздно должно было в быту и в сознании башкир ликвидировать родовое начало как основу бытия местного населения и уничтожить право башкир на коллективную собственность на землю в волости. Мишарские кантоны создавались на территории одного-двух уездов Оренбургской губернии. Не входившие в кантоны тептяри и бо-были до 1855 г. сохранили свое управление в ведении военного и гражданского губернаторов.

Кантонные чиновники делились на две группы: к первой относились занятые в административном аппарате: кантонные начальники и их помощники, юртовые старшины с помощниками, деревенские начальники, юртовые сотники и десятники; ко второй – походные старшины, начальники дистанций, походные есаулы и сотники, не имевшие постоянных должностей.

Начальники кантонов избирались выборщиками, как из башкир, так и из мишарей, и утверждались в должностях главным начальником края, которому и подчинялись напрямую. Позднее их непосредственным начальником стал командующий Башкиро-мещерякским войском. Обязательно присутствовавшие на выборах представители земского суда наблюдали за тем, чтобы к выборам допускались лишь благонадежные, знающие русский язык чиновники. Свои функции кантонные начальники осуществляли с помощью состоявших при них помощников (одного-двух), двух писарей, а также посельных. Главной их задачей было проведение в жизнь предписаний вышестоящей администрации. Поэтому они наделялись довольно широкими полномочиями в военном, административном, судебно-полицейском и хозяйственном отношениях. По военной части они отвечали за обеспечение непрерывного набора на линейно-сторожевую службу, за предоставление начальству статистических сведений о численности населения в кантоне, назначали достаточное число походных чиновников. Они получили право единолично разбирать ссоры по личным обидам и незначительные проступки башкирского и мишарского населения. В хозяйственном отношении следили за исполнением подведомственным населением государственных и земских повинностей, за сбором налогов, а также за продажей и сдачей в аренду башкирских земель, привлечением подчиненных лиц к строительству домов и распашке земли, – словом к их оседанию и превращению в крестьян. Кроме того кантонные начальники получили право нерадивых в хозяйственном отношении башкир и мишарей передавать на исправление к хорошим хозяевам [Там же, с. 190-194], что конечно раскрывало широчайшие возможности для произвола и злоупотреблений.

Кантоны делились на юрты, объединявшие по несколько деревень. Возглавлявшие юрты старшины состояли в непосредственном подчинении кантонных начальников. Чины в каждом юрте избирали несколько кандидатов на должность юртового старшины, одного из которых кантонный начальник утверждал в искомой должности с довольно широкими полномочиями в управлении населением юрта. Юртовым начальникам придавались военные и полицейские функции [9, с. 114]. Они обеспечивали регулярный наряд очередников на несение линейной службы, руководили сбором налогов, контролировали выполнение повинностей. Фактически старшины в пределах своих юрт осуществляли те же функции, что и кантонные начальники.

Кроме административных чиновников в юртах состояли чины, контролировавшие военную и рабочую службу. В юртах с числом годных к службе до 100 человек назначались походный есаул, сотник и хорунжий. На каждые 200 служащих полагались уже походный старшина и сотник (квартирмейстер); на 500 – дистанционный начальник. На них лежала ответственность за сопровождение очередников на линейную службу и надзор за ними во время исполнения служебного долга [4, с. 164].

Для исполнения полицейских обязанностей в каждом поселении выбирались аульные, а также сотские (сотники) и десятские (десятники), подчиненные станovým приставам. После 1838 г. обязанности упраздненных сотских и десятских были переданы аульным (сельским) начальникам). С 1861 г. сотские были восстановлены. Следует обратить внимание на то, что должностные лица первичной башкирской администрации (сельские начальники и сотские) должны были избираться из башкир, владеющих русским языком. На сотских и десятских возлагалось решение спорных дел между башкирами, распределение земельных наделов и исполнение населением подводной повинности. К числу сельских (деревенских) должностных лиц следует отнести бывших почти повсеместно сборщиков налогов, смотрителей хлебных магазинов, лесных надзирателей и дорожных смотрителей. На эти должности башкиры и мишари избирались сельскими обществами и утверждались юртовыми старшинами и кантонными начальниками, которые осуществляли свои полномочия через соответствующие канцелярии, где трудились писари русского и башкирского языков. Высокое положение занимали назначавшиеся в кантонах помощники кантонных начальников и их ординарцы. Своих помощников имели и юртовые старшины. Со временем общее количество должностных лиц первичной администрации у башкир постоянно сокращалось [5, с. 346-347].

Оренбургская линия была разделена на пять дистанций. Каждому кантону следовало выбрать походных начальников, которые после утверждения военным губернатором должны были обеспечивать прием и организацию службы назначенных к тому представителей кантонов. Должность эта была переменной, поэтому каждому кантону надлежало представить двух-трех походных начальников. Кантонные походные начальники должны были подчиняться главному походному дистанчному начальнику, назначавшемуся от Оренбургского казачьего войска [8, с. 192]. Кантоны состояли из юртов (команд), число которых в каждом кантоне разнилось от 7 до 48. Количество жителей в каждом юрте составляло от 100 до 1000 человек, что создавало определенные административные неудобства. Поэтому с 1833 по 1846 гг. в кантонах военными губернаторами В. А. Перовским и В. А. Обручевым была проведена реформа, уравнивавшая население в юртах.

Следствием введения кантонной системы стала жесткая регламентация башкир и мишарей, их фактическое приращение к своим поселениям, ликвидация остатков башкирского самоуправления, попадание башкир под полный контроль вертикали российской администрации от главного начальника края до его представителей в кантонах и уездах.

В 1834 г. по представлению оренбургского военного губернатора В. А. Перовского было создано Башкиро-мещеряжское войско [10, с. 7]. Оно внешне отчасти напоминало казачьи войска тогдашней России. Но это сходство мнимое. Башкиро-мещеряжское войско не имело ни войскового атамана, ни войсковой канцелярии. Другая группа отличий войска башкир состояла в их вотчинном праве на землю и в том, что в отличие от казаков они не получали за службу вознаграждения и не имели консолидированной территории.

Главные начальники региона отмечали хронические злоупотребления и беспорядки, происходившие из-за слабости надзора за деятельностью кантонных начальников, у которых, по их мнению, отсутствие надлежащих знаний дополнялось безнравственностью. Так, стремясь найти выход из создавшегося затруднительного положения, Оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен обратился в Петербург с предложением впредь до урегулирования вопроса о башкирском управлении вообще назначить в самый, на его взгляд, сложный 9-й кантон в качестве высшей инстанции, непосредственно подчиненной военному губернатору, армейского штаб-офицера, «...который бы не нарушая настоящего порядка управления и прав кантонного начальника и его помощника, имея в подчинении кантонного начальника и всех старшин, наблюдал за их действиями по всем отношениям, входил в нужды башкирцов, прекращал все беспорядки в самом их начале и предупреждал злоупотребления...» [3, д. 167, л. 1 – 2 об.]. Выбор пал на 9-й кантон именно из-за «явных в оном беспорядков», а распространение этой меры на другие кантоны было пока признано преждевременным [Там же, л. 31]. 27 ноября 1830 г. для исполнения вышеуказанных обязанностей чиновником для особых поручений к оренбургскому военному губернатору был назначен Тифлисского пехотного полка майор Середа [Там же, л. 3], который в мае 1831 г. прибыл в Оренбург [Там же, л. 14] и получил разработанную под руководством П. П. Сухтелена инструкцию попечителю 9-го кантона.

В соответствии с ней кантонный начальник оставался «главным хозяином в кантоне», но на попечителя возлагалась обязанность наблюдать за справедливостью чинимых им разбирательств и, в необходимых случаях, самому вмешивать в ход дел, донося о наиболее важных военному губернатору. Попечитель, объявленный защитником интересов местных жителей, должен был наблюдать за точным исполнением кантонным начальником предписаний начальства, осуществлять бдительный надзор за справедливостью и беспристрастностью деятельности помощников кантонного начальника и юртовых старшин, за правильностью назначения людей на военную службу, за уравнильством сбором казенных повинностей, «...чтобы богатый полагал в кладку по мере своего достатка с излишеством против бедного». Попечитель был обязан присутствовать на выборах кантонных начальников и юртовых старшин и наблюдать за беспристрастностью процедуры, не допуская к этим должностям неблагонадежных и не пользующихся уважением в народе лиц. Помочь в этом должны были «штрафные журналы», куда надлежало вносить имена провинившихся или подозрительных. Ему предоставлялось право совместно с кантонным начальником назначать помощников кантонного начальника и помощников юртовых старшин. Инструкция особо оговаривала меры, которые следовало предпринять попечителю в целях пресечения конокрадства среди башкир. Особое внимание следовало уделить местным муллам, ознакомиться с обрядами присяги, дабы не допускать лжесвидетельств во время следствия. Во избежание волокиты и излишних расходов людей попечителю предлагалось всячески поощрять словесный суд. В полицейском отношении он должен был строго следить за перемещениями подведомственных ему жителей, «воспрещать чиновникам делать угощения башкирцам под видом помочи в домашних надобностях, ибо чрез сие заводятся тяжбы, и ослабевается у первых надзор и надлежащая взыскательность с подчиненных, а последние теряют должное чинопочитание». Ему давалось право наказывать за незначительные поступки чиновников арестом, а нижних чинов плетью. Попечителю следовало, как оберегать башкир от попадания в экономическую кабалу от каргалинских татар, так и отвращать предпринимателей «от лености и злоумышленной несостоятельности» башкир-подрядчиков. Под контроль попечителя попадали также повышение в чине и представление к наградам местных чиновников и башкир. Особой заботой попечителя должно было стать наблюдение за хозяйством башкир, ради улучшения которого ему следовало внушать всем, «...что нерадение, беспечность и праздность ведет к бедности и порокам, которые нетерпимы в обществе людей» [Там же, л. 5-13]. В помощь попечителю было решено придать двух чиновников и двух урядников, один из которых должен был знать татарский язык [Там же, л. 29].

Несмотря на то, что введение института кантонного попечителя планировалось единственно применительно к 9-му кантону, указание в тексте инструкции кантонных начальников во множественном числе косвенно указывает на то, что эту меру все-таки предполагалось в перспективе распространить на остальную Башкирию.

В 1835 г. Башкиро-мещеряжское войско было разделено на 6 попечительств, между которыми распределены 17 кантонов. Во главе попечительств стояли армейские штаб-офицеры, подчинявшиеся командующему войском. На них было распространено действие рассмотренной выше инструкции. По судебной части им дано было право выносить окончательные решения по искам от 15 до 30 рублей серебром. В военном отношении на них возлагалось обеспечение регулярности набора на военную службу. Можно сказать, они выполняли функции современных военных комиссариатов: проводили медицинское освидетельствование будущих военнослужащих, а также осматривали отставных и негодных к военной службе. Кроме того, на них возлагался контроль за сбором и расходованием средств, собиравшихся обществом для помощи направлявшимся на службу людям. Контроль исполнения предписаний начальства, производство следствий по должностным преступлениям, разбор жалоб между местными жителями стали едва ли не важнейшими направлениями их деятельности [6, с. 38]. Учреждение попечительств, конечно же, стало серьезным шагом к внедрению общероссийского начала в первичную администрацию башкир и мещеряков, нацеленным на ликвидацию последних остатков местного самоуправления.

В 1837 г. все дела башкир и мишарей (в т.ч. гражданские) перешли в ведение командующего Башкиро-мещеряжским войском и его канцелярии. Меньше чем через четверть века (с 1861 г.) башкиры перестали уже назначаться на линейную службу. В следующем году три внешних кантона были переведены в разряд внутренних, а оставшиеся шесть служащих кантонов стали выполнять лишь нестроевые функции [5, с. 354]. Упразднение Башкирского войска осуществлялось постепенно и, можно сказать, исподволь, постепенно приобщая башкир и мишарей к новым условиям, когда они все меньше привлекались к военной службе и все чаще были заняты на хозяйственных и строительных работах. Войско было ликвидировано в период правления в Оренбурге генерал-губернатора А. П. Безака. Сначала он подчинил башкир и припущенников общей полиции, затем прекратил назначение башкир на кардонную службу, запретил лагерные сборы башкирского учебного полка. Продолжил практику перевода кантонов в неслужащие.

14 марта 1863 г. было принято Положение о башкирах, разработанное в соответствии с Положением о крестьянах 19 февраля 1861 г., которое повлекло за собой создание на территории Башкирии общеимперских сельских и волостных обществ и управлений и знаменовало перевод башкир и других нерусских народностей региона в податное состояние. Башкиры и припущенники были уравнены в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями [11, с. 442-464]. 31 мая 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на собственно Оренбургскую и Уфимскую губернии [12, с. 477-484], которые просуществовали до начала XX в. 2 июля 1865 г. высочайшее утверждение получило мнение Государственного Совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство» [Там же, с. 753-766]. Перевод населения региона из военного в гражданское состояние завершился.

Положение о башкирах 1863 г. повлекло за собой создание на территории края общеимперских сельских и волостных обществ и управлений. Башкиры и другие нерусские народы и народности региона были уравнены в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями.

Фактически за 300 лет существования Башкирии в составе России она прошла сложный тернистый и полный драматизма путь вращаясь в имперское пространство. Процесс этот завершился полной административно-территориальной унификацией инокультурного народа. Преобразования XIX в. были оправданы внешне- и внутривосточными задачами империи и сопровождали естественную трансформацию социально-экономических условий в крае. Именно с начала XIX столетия можно вести историю совместного существования и развития башкирского и других народов России, отнеся предыдущий период к адаптации региона к новым и во многом чуждым для него условиям. Но этот период адаптации дал империи колоссальный опыт, использованный, например, в Казахской степи для более мягкого ее инкорпорирования в тело империи.

Список литературы

1. **Асфандияров А. З.** Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. **Асфандияров А. З.** Кантонное управление в Башкирии (1798-1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.
3. **Государственный архив Оренбургской области.** Ф. 6. Оп. 11.
4. **История башкирского народа:** в 7-ми т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. СПб.: Наука, 2011. Т. IV. 400 с.
5. **История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века** / отв. ред. д.и.н. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
6. **Очерки по истории Башкирской АССР:** в 2-х т. / под ред. А. П. Смирнова и др. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1959. Т. I. Ч. 2. 539 с.
7. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XXI. 1781-1783. 1087 с.
8. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XXV. 1798-1799. 936 с.
9. **ПСЗРИ.** СПб., 1833. Собр. 2-е. Т. VII. 1832. 1445 с.
10. **ПСЗРИ.** СПб., 1838. Собр. 2-е. Т. XII. 1837. Отд. 2-е. 789 с.
11. **ПСЗРИ.** СПб., 1866. Собр. 2-е. Т. XXXVIII. 1863. Отд. 1-е. 943 с.
12. **ПСЗРИ.** СПб., 1867. Собр. 2-е. Т. XL. 1865. Отд. 1-е. 995 с.
13. **Рахимов Р. Н.** На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: ИСИ, 2014. 544 с.

ORGANIZATION OF RUSSIAN MANAGEMENT OF THE BASHKIRS AT THE END OF THE XVIII – IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Vasil'ev Dmitrii Valentinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of Public Administration, Law and Innovative Technologies
dvvasiliev@mail.ru

The article discusses the final stage of the formation of the Russian administrative system in Bashkiria, when the Russian government turned from the transformation of traditional institutions to the introduction of a special paramilitary administrative model and the expansion of the empire-wide terms in the region. The gradual adaptation of Bashkiria to the all-Russian management system ended with the destruction of the local administrative peculiarities by the 1860s.

Key words and phrases: history of Bashkiria; internal policy; administrative policy; management system; cantons; Russian history.

УДК 1; 17:172.4

Философские науки

Проблема этнокультурного воспитания и образования является одной из актуальных проблем социальной политики. Безграмотность в плане знания своих исторических корней, истинных культурных ценностей, отсутствие духовно-нравственных приоритетов в молодежной среде – все эти факторы могут представлять угрозу национальной безопасности России по сохранению ее целостности. В данной статье раскрываются некоторые причины возникновения межэтнических проблем и предлагаются пути решения возможных конфликтных ситуаций.

Ключевые слова и фразы: межконфессиональные отношения; мировоззрение; ценностные установки; конформизм; молодежь.

Вильданова Гюзель Булатовна, д. филос. н., доцент
Вильданов Урал Салимович, д. филос. н., профессор
Башкирский государственный университет
guzbulat75@mail.ru

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ[©]

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ научного проекта № 15-18-00-142.

В эпоху глобализации, когда происходит осмысление того, что мы – как человечество – одновременно едины и многообразны, исследование межэтнических и межконфессиональных отношений приобретает особую актуальность. Именно потому, что в процессе глобализации появляется массовость в культуре, в традициях, стираются неповторимые национальные особенности, характерные только для того или иного народа и только для этой местности, в таком многонациональном регионе, как Республика Башкортостан, этнокультурное образование должно быть поставлено во главу угла вопросов воспитания, образования и социализации подрастающего поколения.

По своему географическому положению Россия изначально является полиэтничной и поликонфессиональной и поэтому уникальной страной. В нашем государстве исторически объединяются Европа и Азия, христианство, ислам и буддизм. Республика Башкортостан, находящаяся практически в эпицентре этих объединений и являющаяся многонациональным регионом Российской Федерации, в плане этнокультурного воспитания и образования является эталоном исследования этих проблем. В Республике Башкортостан самыми крупными конфессиями являются ислам (67%), православие (22%) и различные протестантские течения (11%) из всего числа верующих. При этом руководство Республики Башкортостан максимально пытается учитывать особенности этноконфессионального состава населения и одинаково относиться ко всем конфессиям, тем самым обеспечивая конституционное равенство всех религий, которые находятся на территории Республики Башкортостан. В свете этой политики руководство республики за два десятилетия возвратило многие культовые здания религиозным объединениям, восстанавливало и реконструировало действующие религиозные здания, оказывая благотворительную помощь религиозным организациям и объявляя нерабочими днями большие религиозные праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам, Рождество, Пасха и др.).

Ни для кого не секрет, что в течение более 70 лет государственная политика Советского Союза строилась на создании единой нации «советских людей» – свободомыслящих, без нации, без принадлежности к какой-либо религиозной конфессии и строящих коммунизм. В сознании не только простого человека, но и ученых в течение десятилетий формировалась картина, где любая религия представлялась примитивно-тривиальной, учением, обращенным в прошлое, оправдывающим слепой фанатизм, нетерпимость и ограниченность.